

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 19.

1882 г.

Октября 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

„Святительскія Тѣни“ г. Лѣскова.

Продолженіе *).

VII.

Пятый Вятскій епископъ очень недолго прожилъ на Вяткѣ—только три года и 4 мѣсяца ¹⁾, тѣмъ не менѣе останется на всегда памятнымъ для всего Вятскаго края: будущій историкъ Вятской культуры всегда будетъ вспоминать имя преосв. *Лаврентія Горки* съ высокимъ уваженіемъ и признаетъ его однимъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ архипастырей первой половины прошлаго вѣка. Такимъ именно описываетъ Лаврентія біографъ его Любарскій въ своемъ „Любопытномъ Извѣстіи“. Какъ же перифразируетъ характеристику Лаврентія изъ „Любопытнаго Извѣстія“ авторъ „Святительскихъ Тѣней“? Признаетъ ли г. Лѣсковъ преосв. Лаврентія „годнымъ“, достойнымъ своего сана архи-

---

*) См. Еп. Вѣд. № 12.

¹⁾ Съ 9 декабря 1733 г. по 9 апрѣля 1737 г.

пастыремъ, умѣвшимъ „вести свое дѣло какъ слѣдуетъ“?
„Наконецъ“,—пишетъ г. Лѣсковъ, начиная свою рѣчь о преосв. Лаврентіѣ,—„Провидѣніе какъ бы (!) начинаетъ милосердствовать о людяхъ, которымъ привелъ Богъ во Христа креститься, но которымъ не у кого (?) было доселѣ научиться, какъ во Христа облакаться. На Вятскую кафедру назначается епископомъ человекъ настоящей учености, съ широкимъ христіанскимъ взглядомъ, правдивостью и съ горячимъ сердцемъ: это былъ Лаврентій Горка, родомъ изъ малороссіянъ, ученикъ кіевскихъ школъ. Горка, по Любарскому, имѣлъ превосходныя дарованія душевныя и тѣлесныя: ученостию славный мужъ, нравомъ простъ, совѣстенъ, благочестивъ, нелицепріятенъ и непамятозлобивъ, только—чрезмѣрно горячъ и вспыльчивъ. Сіе послѣднее свойство было причиною, что онъ подчиненнымъ своимъ не очень нравился..... Почему на преосв. Лаврентія многими Свят. Синоду были приносимы жалобы, для прекращенія коихъ онъ переводимъ былъ во многія епархіи, пока не попалъ на крайнюю (?) Вятку. Здѣсь этотъ образованный, но пылкій архіерей, разумѣется, не могъ *отмякнуть* (!), потому что „къ строгости подавали *сугубые* случаи подчиненныхъ его грубые обычаи, въ наукахъ непросвѣщенность, кои онъ противу желанія ихъ заводить старался, и наконецъ заматерѣлая распустность невоздержанія, безчиніе и другіе пороки, которые онъ напереломъ прекратить старался“. Горка съ свойственною ему *кипучей страстностью* ринулся въ *непримиримую* борьбу съ невѣжествомъ и съ заматорѣлою распустностью. Всѣмъ *злымъ повадкамъ*, укоренившимся при его предмѣстникахъ, изъ коихъ самыя лучшія умѣли только *снабдѣваться и строиться*, Горка пошелъ на переломъ; но онъ не ограничился одной борьбой съ ста-

рыми распустниками, на которыхъ нужна была гроза. Горка имѣлъ планы зиждительныя и стремился вызвать къ жизни новыя общественныя силы, создать церкви слугъ просвѣщенныхъ и способныхъ понимать настоящіе идеалы христіанства. Онъ вызвалъ на Вятку настоящаго (sic) учителя изъ Кіева и завелъ славено-латинскія училища, въ которыя способныхъ священно-ицерновнослужительскихъ дѣтей набиралъ почти „небезъусильно“. Къ искорененію прежняго суевѣрія, грубости, омерзенія къ наукамъ, и къ вкорененію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія, онъ такое прилагалъ стараніе, что „самоперсонально“ ежедневно почти посѣщалъ училище, обнадеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества; выписалъ библіотеку. Уваженіе къ наукамъ въ немъ доходило до *страсти*: неученыхъ и чтеніемъ книгъ непросвѣщенныхъ, какого-бъ они званія, чина и состоянія ни были, онъ гнушался и обхожденія съ ними не имѣлъ, и неученыхъ изъ подчиненныхъ своихъ не только въ священство и на другія степени, но даже въ причетъ церковный не производилъ; почему рукоположенія его изъ священниковъ и причетниковъ были весьма не многіе. Это дало поводъ слагать ему вины и толковать, что „*архирей изъ хохловъ* хочетъ Вятскую землю *обезпоить*“. Лаврентій однако не обращалъ на это вниманія и еще приумножилъ свои вины, обнаруживъ самостоятельный взглядъ на церковныя имущества. Взглядъ этотъ былъ христіанскій и вполнѣ схожій съ мнѣніями преподобнаго Нила Сорскаго. Горка не только не былъ искусень въ *собираниіи имѣній*, чѣмъ изъ его антецессоровъ такъ *воспрославился* преосвященный Іона, но даже своего *беречь не умѣлъ*, и когда какая либо общая нужда тре-

бовала жертвъ, являлъ безкорыстіе, доходившее *до расточительства*. Такъ во время всенароднаго здѣсь голода, да и въ прочія времена, собственнаго и церковнаго имѣнія не щадя, раздавалъ требующимъ щедро, рассуждая и воспрещающимъ проговаривая, что „церковное имѣніе есть имѣніе нищихъ“. Такого взгляда тогдашніе нравы снести не могли: подобно тому, какъ на такіа мнѣнія преподобнаго Нила и его друзей ополчились побѣдоносные монументалисты партіи Іосифа Волоколамскаго, такъ нашлись позднѣйшіе *осифляне*, которые умѣли дать почувствовать *горячему хохлу*, въ чемъ слѣдуетъ видѣть истинное русское христіанство... Окончилось это для энергическаго и добраго епископа тѣмъ, что таковая ревность на Вяткѣ ввергла его въ параличную болѣзнь. Лаврентій Горка опочилъ, и о немъ мірскія панихиды *не тѣлись*. Христосъ однако, можетъ быть, и такъ помянетъ его во царствіи своемъ“ (58—60).

Въ другомъ мѣстѣ (66) г. Лѣсковъ такъ продолжаетъ изображать преосв. Лаврентія: „О духъ христіанства въ Вятской епархіи впервые заговорилъ только пятый епископъ по ряду и первый изъ малороссіянъ, весьма образованный для своего вѣка человекъ, Лаврентій Горка. Этотъ архіерей имѣлъ своимъ идеаломъ состраданіе къ нуждамъ человѣчества и христіанскую просвѣщенность. Онъ шелъ на переломъ грубымъ обычаямъ, заматерѣлой распустности, невоздержанію, безчинію, суевѣрію и омерзенію къ наукамъ, заводилъ школы и самъ сидѣлъ въ нихъ, а во взглядахъ своихъ на церковность и христіанство былъ таковъ, что собственное и церковное имѣніе раздавалъ щедро требующимъ, рассуждая и приговаривая, что „церковное имѣніе есть имѣніе нищихъ“. Но при всѣхъ этихъ

добрыхъ свойствахъ, столь необходимыхъ на его мѣстѣ, Горку *не любили*, и довели его до паралича“.

Такой отзывъ г. Лѣскова о пятомъ Вятскомъ архіереѣ, пожалуй, можно признать нѣсколько приближающимся къ характеристикѣ преосв. Лаврентія, написанной Любарскимъ, если только исключить всѣ, напечатанныя здѣсь курсивомъ фразы и выраженія, *прибавленныя* г. Лѣсковымъ къ тексту Любарскаго. У Любарскаго, конечно, не находится ни деликатныхъ выраженій: *отмякнуть, горячій хохолъ, архирей изъ хохловъ, злая повадки, обезпопнуть*, ни тому подобныхъ хлесткихъ словъ, встрѣчающихся у нашего автора. Не говоритъ Любарскій, будто къ строгости Лаврентія подавали *сугубые* случаи грубые обычаи его подчиненныхъ (37): *усугубилъ* эти случаи г. Лѣсковъ, вѣроятно, для того, чтобы сугубо темнѣе вышла у него картина нравовъ подчиненнаго Лаврентію духовенства. Не говоритъ Любарскій, будто уваженіе къ наукамъ доходило у Лаврентія *до страсти*, будто Горка *съ кипучей страстностью* бросился въ борьбу, да еще *непримиримую*, съ мѣстнымъ невѣжествомъ: о. игумень осторожно выражается только, что Горка дѣйствовалъ „напереломъ, почти не безъусильно“ (38). Не говоритъ Любарскій, будто на Вяткѣ слагали Горкѣ вины такого рода, что де „архирей изъ хохловъ хочетъ Вятскую землю *обезпопнуть*“. Хотя г. Лѣсковъ пишетъ всѣ эти слова въ кавычкахъ съ очевиднымъ намѣреніемъ—дать понять читателямъ, что онѣ буквально взяты изъ „Любопытнаго Извѣстія“; но, кажется, только совершенно незнакомый со стилемъ прошлаго столѣтія читатель можетъ приписать такіа выраженія Любарскому, который и не могъ, конечно, писать о Лаврентіѣ какъ архіереѣ „желавшемъ Вятку обезпопнуть“, потому что, по его же словамъ, Лаврентій

„священниковъ рукополагалъ“, только „весьма немно-го“ (39). Не говоритъ Любарскій, будто и лучший изъ антецессоровъ преосв. Лаврентія—Іона „умѣлъ *только снабжаться и строиться*“, будто онъ „воспрославил-ся только искусствомъ *въ собираніи имѣній*“: не могъ такъ выражаться Любарскій о первыхъ Вятскихъ архіереяхъ, и особенно—о преосв. Іонѣ, послѣ того какъ сдѣлалъ о послѣднемъ свой глубоко почтительный отзы-въ ²⁾. Не говоритъ Любарскій, будто Горка былъ „не искусенъ въ собираніи имѣній, *не умѣлъ беречь* своего и являлъ безкорыстіе, доходившее *до расточи-тельства*“: не могъ такъ выражаться Любарскій, потому что зналъ, что преосв. Лаврентій умѣлъ „беречь день-ги“, былъ весьма аккуратенъ въ счетъ доходовъ архіе-рейскаго дома, даже „самоперсонально“ записывалъ съ точностію сборъ денегъ съ каждаго священника и діакона за „поновленіе“ ставленническихъ грамотъ ³⁾, и иногда скоплялъ себѣ капиталъ, доходившій до 1000 рублей ⁴⁾, что по тогдашнему времени было очень зна-чительною суммою. Ни слова не говоритъ Любарскій ни о Нилѣ Сорскомъ, ни о монументалистахъ партіи Іосифа Волоколамскаго, ни о сходствѣ взглядовъ преосв. Лаврентія съ мнѣніями преп. Нила, ни о враждѣ къ Лаврентію какихъ-то современныхъ ему *осифлянъ*, которые яко бы что-то ему „дали почувствовать“. Преосв. Лаврентій столько же держался мнѣній преп. Нила Сорскаго (относительно, разумѣется, монастыр-

²⁾ Любопытное Извѣстіе, 31—32.—Вятскія Еп. Вѣд. 1882 г., № 3, 72—73.

³⁾ Исторія Вятской Семинаріи, въ Вятскихъ Епар. Вѣдомостяхъ 1868 г., 13.

⁴⁾ Дневныя записки генер. подскарбія Якова Марковича (Москва, 1859 г.), подъ 21 іюля 1730 г.

скихъ имуществъ), сколько и его знаменитый современникъ Теофанъ Прокоповичъ. Не даромъ въ одномъ „Житіи“, составленномъ еще въ прошломъ столѣтїи, Лаврентій Горка именуется „братомъ во вторыхъ“ Теофана Новгородскаго ⁵⁾: сотрудникъ по профессурѣ и преемникъ Теофана по кафедрѣ въ Кіевской академіи, искренній другъ и почитатель его, въ свою очередь любимый и покровительствуемый Теофаномъ, Горка былъ вполне „единомысленникомъ“ и нѣкоторымъ подобіемъ своего „старѣйшаго брата“ ⁶⁾. Какъ Теофанъ

---

⁵⁾ „Житіе преосв. Лаврентія Горки, брата во вторыхъ Теофана Прокоповича“, написанное еще въ прошломъ вѣкѣ, въ рукописи видѣлъ и читалъ П. М. Строевъ, во время своей археографической поѣздки, въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ («Русская Старина», 1879 г.).

⁶⁾ Какъ самъ Лаврентій считалъ Теофана «величайшимъ другомъ своимъ» (*amicissimum*), получая въ свою очередь отъ Теофана подарки, въ родѣ рѣдкихъ изданій Горациа (каталога Вятской семинарской бібліотеки № 506), такъ и враги Теофана, напр. Маркелль Родышевскій, называли Горку то «товарищемъ» Теофана (Чистовича, 304), то «братомъ во вторыхъ» и т. д. Судьба преосв. Лаврентія весьма тѣсно связана съ судьбою Теофана. Оба они были учителями Кіевской академіи въ монашескомъ чинѣ въ началѣ XVIII в.; въ 1705 г., когда Теофанъ изъ учителей поэзіи сдѣлался учителемъ реторики, Лаврентій занялъ его мѣсто въ классѣ поэзіи; потомъ оба были настоятелями Кіевскихъ монастырей. Въ 1718—1719 гг., когда Теофанъ сдѣлался правою рукою Петра, онъ тотчасъ вызвалъ Лаврентія въ Петербургъ, гдѣ послѣдній нѣкоторое время былъ проповѣдникомъ. Потомъ, по рекомендаціи Теофана, Лаврентій назначенъ настоятелемъ Воскресенскаго монастыря и оберъ-іеромонахомъ флота въ Персидскомъ походѣ, гдѣ былъ духовникомъ Петра и Екатерины и описывалъ «дѣянія Петра» во время похода «простымъ стилемъ», опять по рекомендаціи того же Теофана, а затѣмъ въ 1723 г. назначенъ епископомъ Астраханскимъ. Въ 1726 г., когда былъ въ силѣ Меншиковъ, а Теофанъ — въ опалѣ, пострадалъ и Лаврентій, который былъ вызванъ изъ

не отказывался отъ „житія въ знатныхъ палатахъ“ и пользовался доходами съ монастырскихъ крестьянъ, собираемыми въ его архіерейскую контору ⁷⁾, такъ и Лаврентій не отказывался иногда трезво „позабавиться“ съ умнымъ и добрымъ пріятелемъ во „дворцѣ архіерейскомъ“, если таковой находился въ его епархіи ⁸⁾, строго слѣдилъ за исправностію положенныхъ съ монастырскихъ крестьянъ сборовъ и ни чуть не находилъ для монастырей „неудобнымъ“, подобно преп. Нилу, обладанія вотчинами. Только, подобно Теофану, заботясь объ исправности сборовъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ, преосв. Лаврентій не дѣйстви-

---

Астрахани въ Петербургъ и потомъ переведенъ въ Устюгъ; но когда, съ воцареніемъ Анны Іоанновны, Теофанъ «воспріялъ великую силу», въ 1731 г. переведенъ и его другъ на высшую кафедру Рязанскую, которую занимали до Лаврентія Стефанъ Яворскій и Гавріиль Бужинскій. («Теофанъ Прокоповичъ» въ Словарѣ Новикова.—Труды Кіевской Д. Академіи 1867 г., I, 95—113.—Списки Іерарховъ, Строева, 18, 23, 311, 415.—Исторія Россіи, Соловьева, XVIII, 191.—Дневныя Записки Марковича, подъ 21 авг. 1726 г.).

⁷⁾ Теофанъ Прокоповичъ, Чистовича, 644.

⁸⁾ Въ 1725 г. въ Астрахани посѣтилъ преосв. Лаврентія ученикъ и почитатель его и Теофана — Я. А. Марковичъ, находившійся въ дружеской перепискѣ съ обоими архіереями. Подъ 1 сент. 1725 г. Марковичъ записалъ въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ»: «ѣздилъ я водою до Ишаика, близъ Астрахани, гдѣ дворецъ архіерейской, куда и архіерей (Горка) пріѣхалъ сухимъ путемъ, и тамъ забавлялись до вечера»... И много разъ записалъ Марковичъ, что онъ «любително трактованъ былъ архіереемъ», «имѣлъ разговоръ съ Горкою», «ѣздилъ съ архіереемъ въ сады его», «ночевалъ въ келліи близъ трапезы», «писалъ стихи» (по внушенію Лаврентія), «отдалъ архіерею завѣщаніе для передачи женѣ моей, въ случаѣ моей смерти», «коммунировался (т. е. пріобщался) въ церквѣ архіерейской» и т. п. (Дневныя Записки подъ 18, 26—29 августа, 1—15 сент. 1725 г.)

валь своекорыстно, а употреблялъ эти сборы разумно— на нужды духовнаго просвѣщенія и церкви: такъ на Вяткѣ всѣ доходы свои и архіерейскаго дома употреблялъ онъ на устройство архіерейской школы, на бѣдное духовенство и голодающихъ, а въ Астрахани, скопивъ до 1000 рублей, почти всю эту сумму отослалъ въ Печерскій, Выдубицкій и другіе монастыри близъ Кіева ⁹⁾. Не вѣрно и то, что говоритъ г. Лѣсковъ о „монументалистахъ осифлянахъ“, которые будто бы „дали себя почувствовать горячему хохлу“ и свели его во гробъ; не точно также и выраженіе, будто „Горку не любили на Вяткѣ и о немъ панихиды не пѣлись“, какъ объ Іонѣ. Были люди, которые дѣйствительно не любили Горку, которые оказывались ослушниками его распоряженій, особенно касавшихся устроенія славено-латинской школы; но едва ли можно такихъ людей представлять его злостными врагами, намѣренно дававшими ему „себя почувствовать“: если напр. какіе нибудь Чердынскіе священнослужители, не смотря на архіерейскія подтвержденія, не представляли своихъ дѣтей въ Хлыновъ въ основанную архіереемъ школу, то, разумѣется, такое „озорничество“ должно было крайне раздражать горячаго по натурѣ владыку и могло вредить его здоровью; но трудно признать это, не безпричинное само по себѣ, упорство чердынцевъ—намѣреннымъ желаніемъ „дать себя почувствовать архіерею изъ хохловъ“, какъ пишетъ г. Лѣсковъ. Были и личные враги у преосв. Лаврентія, которые выводили его изъ себя своими по-

---

⁹⁾ Подъ 21 іюля 1730 г. тотъ же Марковичъ пишетъ: «Писалъ я до архіерея Горки о заплаченныхъ мною по *его легации* деньгахъ—на Печерскій монастырь 100 рублей, на прочіе Кіевскіе монастыри 790 рублей, чтобъ респектовалъ о мнѣ, для того, что *таковья* его деньги съ моимъ судномъ пропали»....

ступками, напр. архимандритъ Успенскій Александръ, обиравшій монастырскихъ крестьянъ и за то подвергшійся смертной казни въ тайной канцеляріи ¹⁰⁾; но такихъ людей было вообще не много, а было не мало искреннихъ и самыхъ горячихъ почитателей Лаврентія. Какъ по Іонѣ, такъ и по Лаврентіѣ очень усердно „пѣли паннихиды“ (вопреки прямому слову г. Лѣскова): Любарскій прямо называетъ и лицъ, которыя этотъ священный долгъ исполняли по умершемъ епископѣ (36). Какъ спустя долгое время чтили на Вяткѣ память преосв. Іоны, такъ точно чтили и память Лаврентія: когда въ 1772 г., по устройеніи нынѣшняго кафедральнаго собора, перенесены были сюда гробы Вятскихъ преосвященныхъ, то какъ на гробѣ Іоны, такъ равно и на гробѣ Лаврентія „отъ усердныхъ почитателей“ были воздвигнуты раки, и притомъ—одними и тѣми же лицами, при чемъ опять „пѣлись паннихиды“ по обоимъ іерархамъ со всею торжественностію, при стеченіи массы народа ¹¹⁾.

Но если исключить изъ отзыва г. Лѣскова о преосв. Лаврентіѣ всѣ, сейчасъ указанныя, прибавки къ Любарскому, принадлежащія живой фантазіи нашего автора, то въ какомъ видѣ явится предъ нами личность преосв. Лаврентія? Да если даже и оставить всѣ прибавленія г. Лѣскова, все же „негоднымъ“ ли оказы-

¹⁰⁾ Столѣтіе Вятской губерніи, т. I, 582—583.

¹¹⁾ Исторія Вятчанъ, Вештомова, въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1827 года, ч. XX, 12—29.—Исторія Вятской Іерархіи, Никитникова, 28, 33.—Вотъ надпись на гробницѣ Лаврентія: „Сему по Бозѣ ревностному іерарху, доброму словесныхъ овецъ пастырю, мудрости и благочестія любителю, невѣжества и суевѣрія ненавистнику, по достохвальномъ правленіи церкви Христовой свято въ Бозѣ почившему 1737 г. апрѣля 10 дня, отъ усердныхъ почитателей его имени воздвигнута рака 1772 г.“.

вается у г. Лѣскова пятый Вятскій епископъ, подобно признаннымъ у него негодными первымъ Вятскимъ епископамъ? И у г. Лѣскова преосв. Лаврентій является человѣкомъ „превосходныхъ дарованій, весьма образованнымъ для своего вѣка, человѣкомъ настоящей учености, съ широкимъ христіанскимъ взглядомъ, благочестивымъ, правдивымъ, нелицепріятнымъ, непамятозлобивымъ, только горячимъ и вспыльчивымъ“. И г. Лѣсковъ изображаетъ его „заботливымъ о духѣ христіанства епископомъ, имѣвшимъ идеаломъ христіанское просвѣщеніе и состраданіе къ человѣчеству“, пламеннымъ борцомъ противъ невѣжества, суевѣрія, грубости, распущенности, невоздержанія, горячо стремившимся „создать для церкви слугъ просвѣщенныхъ, вкоренить истинное благочестіе, вѣжливость и просвѣщеніе“, основателемъ настоящей христіанской школы, даже—последователемъ преп. Нила Сорскаго во взглядахъ на церковныя имущества и страдальцемъ за практическое примѣненіе этихъ взглядовъ на Вяткѣ. И такимъ-то владыкой проявилъ себя на Вяткѣ преосв. Лаврентій въ теченіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, и притомъ—постоянно перемогаясь отъ болѣзни, постигшей его въ послѣдніе годы его жизненнаго поприща. Что же? Ужели и такого архіерея не признаетъ г. Лѣсковъ „настоящимъ“ архинастыремъ, вполне достойнымъ своего мѣста и сана?

Трудненько угодить г. Лѣскову. Какъ къ личности cadaго изъ первыхъ Вятскихъ архіереевъ, такъ и къ личности Лаврентія г. Лѣсковъ приклеиваетъ свой ярлыкъ, показывающій будто бы преобладающую черту въ его характерѣ: эта преобладающая черта въ преосв. Лаврентіѣ—по нашему автору—есть *высокоуміе*. Лаврентій былъ архіерей „высокоумный“: такъ характеризуетъ г.

Лѣсковъ пятого Вятскаго архіерея въ самомъ заглавіи своей статьи (53), гдѣ резюмируетъ все ея содержаніе. Правда, въ заключеніи своего отзыва о преосв. Лаврентіѣ (66) г. Лѣсковъ такого ярлыка къ лицу преосв. Лаврентія уже не прикладываетъ, можетъ быть—потому, что нѣсколько неловко было бы назвать высокоумнымъ архіерея, котораго „самъ Господь Богъ и безъ панихидъ“,—по словамъ самого г. Лѣскова—„помянетъ во царствіи своемъ“; тѣмъ не менѣе и тутъ (66) г. Лѣсковъ увѣряетъ, что Лаврентій не дѣлалъ своего дѣла какъ слѣдуетъ: „ни одинъ изъ первыхъ 8 архіереевъ Вятскихъ“, говоритъ онъ,—„не умѣлъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, потому что и самъ Лаврентій Горка былъ крутъ и не соображался съ силами“...

Какъ покажется вамъ, читатель, такое заключеніе г. Лѣскова о личности епископа, котораго онъ самъ, за нѣсколько строкъ равьше, призналъ архипастыремъ „добрымъ, эвергическимъ, достойнымъ царствія Христова“ и т. д.? Не напоминаетъ ли такое заключеніе г. Лѣскова столь извѣстнаго отзыва самаго типичнаго изъ героевъ Гоголевской поэмы ¹²⁾ о всѣхъ знакомыхъ ему чиновникахъ: „Это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ хриstopродавцы. Одинъ только и есть порядочный человекъ—прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья“!

Какъ не спросить здѣсь съ Гораціемъ:

Quid facias illi? т. е. нашему автору.

И какъ не отвѣтить подобно тому же поэту:

.... Jubeas serere illa, libenter

Quatenus id facit!.. (Sat. I, 64, 65).

Остается предоставить г. Лѣскову самому *обличать*

---

¹²⁾ Мертвыя души. гл. 5.

себя, доколѣ онъ находитъ это для себя пріятнымъ.... Что же иное и дѣлать тому, кто видитъ непоследовательность въ заключеніяхъ нашего автора? Докажите, пожалуй, г. Лѣскову, что такой-то архіерей былъ прекрасный владыка, чуть не ангель; сначала г. Лѣсковъ, пожалуй, и согласится съ вами, а потомъ и заключить: „Д-да! архіерей—хорошій, а впрочемъ... все таки не годень!“

Мы и не будемъ болѣе распространяться здѣсь о преосв. Лаврентіѣ, чтобы не растягивать нашихъ замѣтокъ ¹³⁾. Не можемъ только не обратить вниманія на одинъ характерный *экивокъ*, замѣченный нами при первомъ и самомъ бѣглому чтеніи статьи г. Лѣскова. Распространяя своими прибавленіями коротенькій отзывъ Любарскаго ¹⁴⁾ о преосв. Лаврентіѣ на трехъ полныхъ (8/0) страницахъ весьма мелкой и убористой печати Историческаго Вѣстника, нашъ авторъ однако же находитъ нужнымъ опять *выпустить* изъ Любарскаго самое *существенное*. Такъ напр. онъ совсѣмъ оставляетъ безъ вниманія то мѣсто „Любопытнаго Извѣстія“, гдѣ говорится о преосв. Лаврентіѣ, какъ *проповѣдникъ*, между тѣмъ какъ это мѣсто заслуживаетъ особеннаго вниманія. Для проповѣди Лаврентій былъ вызванъ въ Петербургъ изъ Выдубицкаго монастыря самимъ Теофаномъ и проповѣдывалъ въ столицѣ послѣ Теофана въ 1719 г.: это одно уже показываетъ, что онъ былъ незауряднымъ „*предикаторомъ*“ и долженъ

---

¹³⁾ Замѣчательная личность Горки заслуживаетъ обстоятельной біографіи. Въ рукахъ составителя настоящихъ замѣтокъ есть матеріалы, проливающие новый свѣтъ на дѣятельность Лаврентія на Вятской кафедрѣ: со временемъ они будутъ предоставлены въ распоряженіе редакціи Епарх. Вѣдомостей.

¹⁴⁾ Всего 3 странички въ 32-ю долю самой разгонистой печати.

быть поставленъ, какъ проповѣдникъ, послѣ Теофана, Гавріила Бужинскаго и Теофилакта Лопатинскаго. Правда, его имени мы не встрѣчаемъ ни въ „Словарѣ“ Евгенія, ни въ „Обзорѣ Духовной Литературы“ Филарета; но на него указано гораздо раньше—въ „Опытѣ Историческаго Словаря“ Новикова, гдѣ (115) мы читаемъ, что „Лаврентій, будучи іеромонахомъ, сочинилъ много поучительныхъ словъ, изъ коихъ нѣкоторыя были напечатаны еще въ 1719 году въ С.-Петербургѣ“. На Вяткѣ, по словамъ Любарскаго (39), Лаврентій „Священное писаніе, древнюю исторію, хронологію и хорошее чиноположеніе публично изъяснялъ самъ, ревностно желая вліять на просвѣщеніе“, и такую проповѣдь продолжалъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе въ послѣдніе годы, что еще болѣе дѣлаетъ чести ревностному архипастырю. И здѣсь—на Вяткѣ столь высоко ставили проповѣдническій даръ Лаврентія, что, спустя болѣе полстолѣтія послѣ его кончины, въ епархіи распространено было мѣніе, котораго наивно держался и Вештомовъ ¹⁵⁾, будто самое прозваніе *Горки* дано было Лаврентію Петромъ, который яко бы назвалъ его „горою ученія“ въ Персидскомъ походѣ. Но не этотъ пропускъ изъ „Любопытнаго Извѣстія“ обращаетъ на себя преимущественное вниманіе въ статьѣ г. Лѣскова о преосв. Лаврантіѣ: тутъ есть кое-что гораздо болѣе замѣчательное. Просимъ нашихъ читателей обратить вниманіе на то мѣсто въ перепечатанномъ нами текстѣ г. Лѣскова, гдѣ поставлено нѣсколько точекъ, для обозначенія сдѣланнаго нами намѣренно пропуска нѣсколькихъ словъ нашего автора. Въ указанномъ нами мѣстѣ г. Лѣсковъ, передавая отзывъ Любарскаго о томъ, что

¹⁵⁾ Исторія Вятчанъ, въ Казанскомъ Вѣстникѣ, 1826 г., ч. XVIII, 98—99.

преосв. Лаврентій былъ „вспыльчивъ“, выпустилъ слѣдующія за симъ слова Любарскаго: „но не надолго“; потомъ передъ словами Любарскаго: „на преосв. Лаврентія многими Св. Синоду были приносимы жалобы“, опять выпустилъ изъ Любарскаго слова: „за строгость“. Пропускъ по видимому—очень неважный; но вотъ что, вмѣсто указанныхъ сейчасъ словъ Любарскаго, нашель нужнымъ вставить (58) нашъ авторъ:

„Тогдашніе владыки, какъ извѣстно, нерѣдко *давали* „большую волю рукамъ, и можно думать, что не сильно, но ограничивалъ себя на этотъ счетъ и преосв. Лаврентій, *платившій* въ этомъ отношеніи дань своему времени. На преосв. Лаврентія многими давно уже „были приносимы жалобы“... и т. д.

По ходу мыслей у г. Лѣскова оказывается, что на Лаврентія жаловались именно потому, что онъ „давалъ волю рукамъ“ и прибѣгалъ „къ рукопашной расправѣ“. Вотъ какимъ *поразительнымъ* сообщеніемъ замѣняетъ нашъ авторъ выраженія Любарскаго: „былъ вспыльчивъ, но не надолго, и за строгость его приносили на него жалобы“! Вотъ какъ *строгий* архіерей Любарскаго подъ ловкимъ перомъ опытной руки въ одну минуту превращается въ *буйнаго* любителя рукопашной расправы! И замѣтьте, какъ невинно скомпонована милая вставочка нашего автора: сначала, въ первой половинѣ фразы, говорится только предположительно: „*можно думать*, что и преосв. Лаврентій не ограничивалъ себя въ рукопашной расправѣ“; а во второй половинѣ фразы уже утвердительно сообщается, что „и преосв. Лаврентій *платилъ* въ этомъ отношеніи дань своему времени“. Какъ тутъ читателю, воображающему, что онъ читаетъ выдержки изъ Любарскаго, а не коньектуры г. Лѣскова, не придти къ мысли, что на Лаврентія *по*

дѣломъ и жаловались, за его буйство, за его рукопашную расправу съ подчиненными!

И такія *невинныя вставочки*, представляющія будто бы, „сжатое изложеніе“ Любопытнаго Извѣстія Платона Любарскаго, выдаются нашимъ авторомъ предъ всѣмъ читающимъ русскимъ людомъ за „правдивое слово“ якобы этого самаго „*архіерея* объ архіереяхъ“!

И з ъ У р ж у м а .

30 Августа у насъ, въ Уржумѣ, происходило небывалое торжество, — чествованіе достойнаго пастыря, маститаго старца, о. протоіерея Уржумскаго Троицкаго собора, Павла Тимоѣевича Гонорскаго признательными гражданами поднесеніемъ дорогаго подарка—золотаго, украшеннаго брилліантами, наперснаго креста. Въ 34-лѣтній періодъ пастырской дѣятельности въ Уржумѣ. о. протоіерей, за свои добрыя отношенія, пользовался симпатіями гражданъ, которые, не ограничиваясь выраженіемъ чувствъ на словахъ, давно желали выразить свою любовь къ нему болѣе осязательнымъ образомъ. Зная, что Высочайшая воля Монарха дала право обществу подносить наперсные съ украшеніями кресты достойнѣйшимъ пастырямъ, нынѣ, въ началѣ августа единодушно рѣшили осуществить давнее желаніе и обратились къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Вятскому Аполлосу, съ ходатайствомъ о дозволеніи своему любимому пастырю, о. протоіерею, поднести сказанный крестъ, на что и послѣдовало милостивое разрѣшеніе. Заручившись благословеніемъ Владыки, граждане сдѣлали заказъ подарка и назначили для поднесенія онаго 30 августа,

день тезоименитства о. протоіерея. При наступлені означеннаго времени, пишущему сіи строки первому довелось извѣстить о. протоіерея о добромъ намѣреніи гражданъ и поздравить съ предстоящимъ торжествомъ. Выслушавъ извѣстіе, онъ сказалъ: „какъ ни пріятна мнѣ признательность гражданъ, но гораздо дороже, если бы всѣ мои читатели не забывали меня въ своихъ молитвахъ, ежедневно испрашивая у Спасителя-Христа христіанской, безболѣзненной, непостыдной мнѣ кончины, которая уже близъ, и добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовѣ“.

Наступило 30 августа. Въ обычное время раздался благовѣстъ къ литургіи, граждане спѣшили въ соборный храмъ. По окончаніи часовъ, предъ литургіей, виновникъ торжества, о. протоіерей, сопровождаемый сослужащими, царскими вратами вышелъ на амвонъ, къ которому приблизился г. исправникъ Домашевскій и поднесъ о. протіерею золотой, украшенный брилліантами, наперсный крестъ, съ слѣдующею, со множествомъ подписей, рѣчью:

Ваше Высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій нашъ пастырь о. Павелъ Тимоѣевичъ! Граждане города Уржума, чиновники и духовенство, руководимые чувствомъ глубокаго къ вамъ уваженія и любви, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Архіепископа Вятскаго и Слободскаго Аполлоса, желая ознаменовать сегодняшній день вашего ангела, празднуемый вами 83 разъ въ жизни и 34 въ нашемъ городѣ Уржумѣ, преподносимъ вамъ сей наперсный крестъ. Пусть этотъ символъ христіанской вѣры украситъ вашу старческую грудь, какъ памятникъ того, что душа ваша всегда преисполнена была христіанской любви къ ближнимъ, которыхъ вы, достопочтеннѣйшій о. протоіерей,

не оставляли ни вашими молитвами, какъ священникъ, ни вашимъ теплымъ, назидательнымъ словомъ и братскою любовію, какъ человекъ. Примите, Ваше Высокопреподобіе, многуважаемый о. протоіерей Павелъ Тимоѳеичъ, отъ насъ сей священный подарокъ и возложите на себя“.

Тронутый до глубины души признательностію гражданъ, о. протоіерей, держа поднесенный подарокъ въ рукахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ благодарность своимъ читателямъ, а въ заключеніе, осѣнивъ всѣхъ предстоящихъ благословеніемъ, произнесъ: благословеніе Господне на васъ Того благодатию и человекѡлюбіемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

По окончаніи рѣчи діаконъ возгласилъ сугубую эктению и по отпускѣ — многолѣтіе: Государю Императору Александру Александровичу съ Царствующимъ Домомъ, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Апостолу, Архіепископу Вятскому и Слободскому, о. протоіерею Павлу Тимоѳеичу, читателямъ его и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Соборный хоръ пѣвчихъ, совокупно съ любителями пѣнія, пожелавшими на этотъ разъ участвовать въ пѣніи, неумолкаемо пѣлъ многолѣтіе во все время, пока предстоящіе прикладывались ко кресту. Потомъ, по пропѣтіи священнослужачими тропаря „Спаси Господи люди твоя“, началась Божественная литургія, послѣ которой совершенъ царскій молебенъ при участіи всего городского духовенства. По окончаніи Богослуженія, о. протоіерей, чуждый торжественныхъ церемоній и овацій, отклонилъ, подъ предлогомъ утомленія, утренній пріемъ посѣтителей, а просилъ всѣхъ пожаловать на вечерній чай; но граждане всѣхъ сословій спѣшили со словомъ привѣта къ люби-

тому пастырю. Вечеромъ, согласно желанію о. протоіерея, снова навѣстили его почитатели его изъ всѣхъ сословій, и часы, проведенные въ бесѣдѣ съ почтеннѣйшимъ старцемъ, останутся на долго памятными, какъ часы общей радости, когда каждый, встрѣчая радушіе хозяина, чувствовалъ себя какъ въ родной семьѣ и по мѣрѣ силъ выражалъ чувства уваженія и преданности къ любимому протоіерею, то въ привѣтливыхъ рѣчахъ къ виновнику торжества, то въ божественныхъ пѣснопѣніяхъ, то въ дружескихъ душевныхъ разговорахъ.

Да здравствуетъ нашъ старецъ, о. протоіерей еще многія, многія лѣта!

Діаконъ Василій Макаровъ.

Г. Уржумь.

8 сентября.

Отвѣтъ на корреспонденцію изъ Нолинска, помѣщенную въ 35 № Церковнаго Вѣстника за нынѣшній годъ.

Въ приходѣ Нолинскаго собора, въ деревенькѣ Зиминской, есть древняя ветхая часовня. Въ этомъ приходѣ сорокъ деревень. Всѣ прихожане согласны въ томъ, что часовню нужно перестраивать; но Зиминская и съ нею три сосѣднія деревушки говорятъ: нужно строить часовню теплую, чтобы въ ней можно было и зимой молиться и отводить душу. Имъ отвѣчаютъ: теплая часовня простоятъ лѣтъ 15—20 и ее опять нужно будетъ (строить новую, а гдѣ средства-то? и кто ее будетъ отапливать? Если вы не собирались ни весной, ни лѣтомъ, ни осенью молиться въ холодной часовнѣ, неужто такъ и будете собираться въ теплой? Четыре деревушки говорятъ: въ часовнѣ нужно построить и школу, чтобъ дѣти наши въ одномъ домѣ привыкли и учиться и молиться, и были бы умнѣ насъ. Имъ

отвѣчаютъ: у васъ есть школа въ деревнѣ Ляповской, въ одной верстѣ отъ часовни, съ чего мы будемъ строить для васъ даровую школу? Школу для своихъ дѣтей строите сами на свой счетъ; мы вамъ на нее ни гроша не дадимъ, а на часовню всякій пожертвуетъ по изможенію, кому сколько Богъ на душу положитъ. А что, какъ отъ школы и часовня-то сгоритъ? Да и въ часовнѣ мальчишки безъ призору не скорѣе ли навыкнутъ шалить, чѣмъ молиться? А развѣ можетъ быть за ними постоянный доглядъ?

Такія и подобныя рѣчи слышались въ общемъ собраніи прихожанъ собора, бывшемъ 18 іюня сего года именно съ цѣлю посовѣщаться о перестройкѣ Зиминской часовни. Но четыре деревушки не угомоняются и вопять: сто лѣтъ работала часовня на соборъ и отдавала ему свои доходы; дайте же намъ хоть проценты съ сего столѣтняго дохода—приблизительно 600 рубл.

Деревушкамъ надобно сказать на это: 1) главный доходъ часовни отъ свѣчъ, а свѣчи въ ней соборныя. 2) Жертвуютъ въ часовню жители не однихъ этихъ деревушекъ, а и пріѣзжіе изъ деревень всего прихода, и горожане, и пріѣзжающіе даже изъ другихъ отдаленныхъ приходоѡвъ, такъ что въ общей массѣ жертвователей четыре деревушки не составляютъ и одной десятой доли. Справедливо ли же было бы проценты 100-лѣтнихъ общихъ пожертвованій употребить въ частную пользу только этихъ однихъ деревушекъ? И 3) еще прежде, чѣмъ у Х. мельнула въ головѣ мысль о школѣ въ часовнѣ, соборъ уже отчислялъ и отчисляетъ часовенныя деньги собственно на предметъ перестройки часовни: къ чему же плаче-воплъствовать на цѣлую епархію и даже на всю русскую православную церковь? „Не для того же только Матерь Божія благоволила

прославить тутъ (въ д. Зимин.) Свою св. икону, чтобы доставить доходъ казнѣ собора, но чтобы и мѣстнымъ жителямъ дать утѣшеніе и просвѣщеніе“, — вопіють, наконецъ, деревушки. Спрашивается: при чемъ же тутъ св. икона? Логика деревушекъ до прозрачности ясна: „часовнѣ принадлежитъ древняя св. икона: слѣдовательно стройте же намъ въ часовнѣ и училище“. Можно смѣло надѣяться, что никто изъ здравомыслящихъ не сочтетъ такую логику основательной и притязанія деревушекъ уважительными. Теперь эта икона въ соборѣ и, будто-бы, не въ должномъ почтеніи. Но она въ правомъ придѣлѣ, въ алтарѣ, надъ жертвенникомъ; предъ нею въ каждое Богослуженіе теплится лампадка. Если бы деревушки пожелали держать предъ ней неугасимую лампадку, въ этомъ имъ никто не воспрепятствовалъ бы, напротивъ, можно было бы только порадоваться этому, какъ проявленію дѣйствительнаго, а не на словахъ только и не на бумагѣ, расположенія къ древней иконѣ. Когда она перенесена въ соборъ — никто не помнитъ и не знаетъ; но не въ этомъ и вопросъ, а въ томъ: почему перенесена? Наивѣроятнѣйшая изъ причинъ сего та, что деревушки въ свое время не умѣли оберегать свою святыню, что ей грозила опасность быть похищенной изъ часовни (можетъ быть, она была и похищена, но потомъ найдена и возвращена уже не въ часовню, а въ соборъ). Еслибъ ее и снова перенести въ часовню, то дѣйствительно ли деревушки сдѣлались бы отъ этого религіознѣе и нравственнѣе, какъ онѣ заявляли о томъ въ прошеніи Епархіальному начальству? Сомнительно, никакая близость къ святынѣ, никакое мѣсто и время сами собой никого не сдѣлаютъ ни чище, ни лучше, ни нравственно-религіознѣе, — для этого нужны совсѣмъ другія условія.

Напрасно, наконецъ, корреспондентъ Х. воображаетъ себя, и что главнымъ препятствіемъ исполненію просьбы деревушекъ служить „новость дѣла“. Что мудренаго тутъ: школа въ нижнемъ этажѣ часовни? Это легко пойметъ и малолѣтокъ; да это въ здѣшнемъ краѣ вовсе и не новость: не далѣе какъ въ 90 верстахъ отъ Нолинска, лѣтъ уже десять назадъ устроена школа въ сельской колокольнѣ: не оригинальнѣе ли это будетъ? Но корреспондентъ съ своими деревушками все таки думаетъ, и не только думаетъ, но и въ печати оглашаетъ: „это дѣло новое... надѣются, архипастырь не стѣснится кажущеюся новостію дѣла“. Нѣтъ, не новость дѣла, а — сказать прямо — неразумность его служить главнымъ препятствіемъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, разумно ли, не имѣя и гроша своихъ за душой, рискнуть употребить въ далеко — незрѣло обдуманное дѣло 300 руб. чужихъ, и потомъ стараться вернуть ихъ во имя религіозности и духовнаго просвѣщенія прихожанъ? Разумно ли, подъ видомъ тѣхъ же великихъ началъ религіозности и просвѣщенія, добиваться даровой или болѣе чѣмъ полударовой школы, добиваться съ раздоромъ и съ смутой въ приходѣ? Что выйдетъ, если и другія деревни послѣдуютъ примѣру Зиминцевъ и будутъ домогаться и себѣ того же и также (а въ соборномъ приходѣ не одна только Зиминская часовня)? Какъ ихъ тогда будетъ удовлетворять Х.? Разумно ли, когда корреспондентъ Х. знаетъ, что средства собора не велики, а нужды его многочисленны и вопіющи (теплый храмъ собора только въ 69 году освященъ, снаружи доселѣ не оштукатуренъ и даже не побѣленъ, холодный храмъ весьма тѣсенъ и углубленъ въ землю и пр. и проч.), когда Х. очень хорошо знаетъ, что соборъ не располагаетъ и 300 р. свободныхъ денегъ, разумно ли

ленія этого дома для новаго назначенія его. Домъ очень помѣстительный и совершенно достаточенъ для школы. Пожертвованіе это особенно дорого потому, что школа не имѣла своего помѣщенія, учащіеся собирались для ученія въ квартирѣ о. каедральнаго протоіерея, а жили въ наемныхъ квартирахъ. Живя всѣ вмѣстѣ, они будутъ находиться подъ болѣе близкимъ наблюденіемъ, могутъ пользоваться постояннымъ руководствомъ въ своихъ занятіяхъ и не будутъ встрѣчать тѣхъ затрудненій, которыя неизбежны въ тѣсныхъ наемныхъ квартирахъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Святительскія гѣни г. Лѣскова. Изъ Уржума. Отвѣтъ на корреспонденцію изъ Нолинска, помѣщенную въ 35 № Церковнаго Вѣстника. Братство въ г. Вяткѣ.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости», издаваемые при Духовной Консistoriи, выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 4 руб., а съ доставкой на домъ въ г. Вяткѣ и съ пересылкою въ другія мѣста 5 руб. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, въ домѣ каедральнаго собора.

Редакторъ Протоіерей *Теодоръ Кибардинъ*.

Дозволено цензурою. 25 Сентября 1882 года.

ВЯТКА.
Типографія Кузнецова.

1882.

